

Гипотезы

УДК 151.21: 151.31: 151.41: 151.81 + 81

Маловичко А. В., Козырский В. Г.

МОНОГЕНЕЗ ЯЗЫКА

(эссе-гипотеза)

Представлен синтетический подход к проблеме происхождения человеческого языка, иллюстрируемый базисной лексикой, сохранившейся до наших дней.

Ключевые слова: языкознание, моногенез языка, первобытная речь, ностратические языки, языки Африки, семито-хамитские языки.

Сейчас уже можно утверждать, что древность, многообразие и, наконец, количество африканских палеоантропологических находок позволяют перевести гипотезу об африканской прародине человечества в разряд доказанных истин. В Восточной Тропической Африке открыли ряд древнейших стоянок, датируемых временем 1,5–1,3 млн. лет тому назад, которые на 1 млн. лет старше, чем стоянки питекантропов, обнаруженные в Европе и на Ближнем Востоке [1]. Предполагая, что питекантропы не могли жить в одиночестве и учитывая факты существования обмена информацией у высших обезьян, мы полагаем, что они, по-видимому, также были способны обмениваться информацией со своими сородичами. И речь, которая должна была развиваться особенно с началом коллективной охоты и производства древнейших орудий, также, по-видимому, впервые была «изобретена» африканскими охотниками-архантропами. Поэтому было бы целесообразно (или просто интересно), несмотря на кажущееся отсутствие каких-либо фактов существования языка у архантропа, попытаться найти, а правильнее сказать, восстановить этот язык или хотя бы несколько слов этого древнейшего первоначального языка. И если такие поиски увенчаются успехом, то можно будет к аргументам палеоантропологов и палеогенетиков добавить аргументы палеолингвистов, которые смогут свидетельствовать о появлении у человека еще в эпоху нижнего палеолита (а возможно и раньше) системы звуковых сигналов (или уже слов), которую можно назвать человеческой речью.

Предлагаемая гипотеза, конечно же, оставляет почти неизвестными многие важные характеристики первобытной речи. И на наиболее актуальные вопросы о времени появления того, что можно назвать языком, появился ли язык еще в Африке или только после выхода архантропа в Евразию, однозначных ответов пока еще нет.

Вообще говоря, все эти вопросы, по-видимому, никогда не возникали и не могли возникнуть потому, что теория глоттохронологии не допускает мысли о «длительности жизни» какой-либо лексики больше, чем несколько тысяч лет. Если взглянуть на проблему с иной стороны, то трудно найти причину, по которой простейшая лексика древнейшего человека должна была быть заменена новой, что утверждают большинство ученых. Мы считаем, что язык, подобно генам, несомненно передавался по наследству с древнейших времен. Поэтому мы предполагаем, что из древнейшего языка, базисная лексика которого, предположительно, оставалась самотождественной у всех потомков древнейших родителей, могло дожить до нашего времени некоторое количество слов.

Если это действительно так, то каким образом это могло произойти и в каких условиях? По-видимому, это явление можно модельно уподобить явлению происхождения человечества от пары архантропов, которая дала потомство в виде человечества, которое обладает одним и тем же набором основных генов. В отношении языка, по-видимому, действуют те же законы: то, что «изобрела», условно говоря, «первая пара» для обозначения действий, связанных с добычей пищи, с рождением и воспитанием детей, с безопасностью и др., должно было появиться очень рано. Надо, конечно, осознавать, что все эти процессы были растянуты во времени на несколько сот тысяч лет и поэтому достоверно представить себе жизнь древнейшего человека практически невозможно.

Можно задать вопрос: разве могут все эти столь разные языки, количество которых по оценкам авторитетных специалистов близко к пяти тысячам, иметь в наше время какую-то общую лексику? Зная, что человек появился в Африке и соглашаясь с утверждением, что человечество произошло от одной пары, которая либо сама изобрела первые слова, либо их изобрели ее ближайшие потомки, можно предположить, что от древнейшего языка до нашего времени дожила какая-то незначительная часть его лексики, которую можно найти в самых разных языках Евразии и Африки. Если бы такая лексика сохранилась в большей части языков, то об этом давно стало бы известно. Логично предположить, что она все еще существует в каких-то отдельных современных языках и поэтому, несомненно, стоит заняться серьезными поисками такой лексики.

Принимая во внимание существование ностратических и других генетически близких между собой языков и языковых семей, можно с уверенностью говорить о наличии определенного массива общей первоначальной лексики в различных языках современности.

На основании синтеза и переосмысления результатов работ палеоантропологов, последних достижений палеогенетиков и работ лингвистов-компаративистов последних 20-30 лет, мы предлагаем следующую модель появления и развития речи древнейшего человека и его потомков.

Простейшие действия древнейшего человека по изготовлению орудий для охоты (и, по нашему мнению, рыболовства), начиная с обыкновенной палки и заканчивая орудиями, изготовленными из камня, вероятнее всего, должны были сопровождаться «изобретением» названий для этих предметов, выраженных в звуках. И, скорее всего, именно мастер, умевший изготавливать эти орудия, изобретал и название для него. А те, кто был знаком с этими изобретениями (орудиями), скорее всего, не называл их иначе, чем изобретатель. Такая модель появления «культурного» слова по самой природе своей подразумевает наследование этих слов потомками изобретателя и пользователей.

Именно таким образом, по всей вероятности, и возник первый язык как совокупность первоначальных слов (слов общения матери и ребёнка, слов, предупреждающих об опасности, и слов, указывающих на местоположение воды, дичи и т. п.), к которым, с течением времени, добавлялись всё новые и новые слова, отражающие новые условия жизни более развитого общества африканских охотников (и рыболовов), потомков первых архантропов, которые начинали жить изолированно от основной массы.

Разумеется, первобытную жизнь человека очень трудно воспроизвести даже схематически, потому что многое утрачено навсегда. Но, к счастью, на помощь приходят факты, которые мы приведем ниже и которые нельзя объяснить иначе, чем существованием в наше время в самых различных языках лексики, существовавшей, по крайней мере, еще 100–200 тысяч лет назад или, возможно, намного ранее.

Выше отмечалось, что подобную лексику следует искать в самых различных языках. И, прежде всего, в ностратических, потому что носители языков одной из ностратических языковых семей, а именно семито-хамитской, издревле живут на Африканском континенте — родине человечества.

Существование в ностратической макросемье языков семито-хамитской языковой семьи¹ уже давно должно было бы вызвать у исследователей появление ряда вопросов, главный из которых следующий: не следует ли задуматься о том, что появление семито-хамитских языков — это явление, по-видимому, непосредственно связанное с первоначальным появлением языка в Африке. И если семито-хамитские языки тесно связаны с остальными ностратическими языками, то можно предположить, что именно в африканских языках (и не только в семито-хамитских, но и, например, в языках банту и других) должно было бы сохраниться наибольшее количество лексики того еще единого древнейшего языка, на котором говорили предки носителей всех африканских языков. Таким образом, базисная лексика семито-хамитских языков, по-

¹ *Прим. гл. ред.:* Ряд исследователей предлагает рассматривать семито-хамитские (афразийские) языки как отдельную макросемью, родственную ностратической.

видимому, является древнейшей и, возможно, сохранилась до наших дней малоизмененной. Правда, причину сохранности древнейшей лексики ещё не удастся до конца осмыслить. Но мы надеемся, что палеоантропологам удастся описать жизнь первобытного человека так, что из этого описания станет ясно, какие слова первого языка могли быть самыми древними.

Разумеется, наши предположения вызовут возражения. Но давайте задумаемся, можно ли предложить еще какие-либо модели, которые могли бы объяснить больше фактов, чем предложенная нами. Выше отмечалось, что гипотеза должна исходить из неоспоримого факта: Африка является прародиной человечества и его многочисленных языков. Поэтому возникает необходимость внести некоторые коррективы в гипотезу территории прародины носителей ностратических языков, предложенную одним из нас в [2]. Позже она «переместилась» на юг восточного Китая и в верховья четырех великих азиатских рек на территории восточного Тибета [3]. Сейчас мы приходим к заключению, что предложенная территория была территорией прародины носителей только трех языковых семей из ностратической макросемьи: алтайской, индоевропейской и уральской (которые можно назвать восточноностратическими языками). Носителей четвертой языковой семьи, дравидской, можно было бы «оставить» на территории Индостана. Согласно гипотезам палеоантропологов [4], предки одной группы поздних архантропов, освоив технологию изготовления каменных орудий, названных колунами и рубилами, вернулась из Индостана в Переднюю Азию. Эта группа мигрировала на север, обходя Гималаи с запада. А другая группа, обладавшая технологией изготовления так называемых чопперов, направилась на северо-восток в восточный Китай. Мы полагаем, что вторая группа стала предком носителей восточноностратических языков (ВНЯ) и сино-кавказской языковой макросемьи. Не исключено, что, в конце концов, племена специалистов по изготовлению чопперов и племена специалистов по изготовлению рубил могли гораздо позже встретиться севернее Тибета и Памира где-нибудь на территории Монголии и Алтая.

В качестве аргументов мы предлагаем обратить внимание на некоторые небезыносительные примеры. Рассмотрим ностратическую праформу № 41 из Словаря В. М. Иллича-Свитыча (И-Св) [5]. Это *sara* — ‘*бить, рубить*’. Эта праформа получена при реконструкции форм языков пяти ностратических языковых семей: семито-хамитской *sP* — ‘*бить, ударять*’ (в этих языках рассматриваемая форма встречается только в некоторых семитских языках, например, в арабском *sf* — ‘*ударить кулаком*’); В индоевропейских языках и формы и значения этих форм не очень близки к праформе (наиболее близкие слова это греческое слово *skernos* и литовское *skaplis* с одним и тем же значением ‘*топор плотника*’). Ближе всего к праформе вепская *sarra* — ‘*рубить, резать, сечь*’, и ненецкая *sara* — ‘*рубить*’, формы слов уральских языков и тюркская форма *sar(a)* — ‘*бить*’ из алтайских языков. Мы заметили два слова, которые не рассматривает И-Св.: одно из них, это украинское слово *sapa*, обозначающее ‘*мотыгу*’, которое звучит также и в итальянском языке — *zappa* (‘*работать с мотыгой*’ — ит. *zappare*, а в украинском — *sapaty*). Кроме того, современное название одного из видов каменного орудия *чоппер*, от английского слова *chop* ‘*рубить, удар*’, тоже, по-видимому имеет тот же корень. Второй пример вовсе необычный: на суахили ‘*бить*’ — *chapa*. Можно было бы думать, что в язык суахили это древнейшее слово попало из африканских, ностратических т. е. семито-хамитских языков. Но в самих семито-хамитских и формы и значения довольно далеки от ностратической праформы. Поэтому можно предположить, что оно или не сохранилось в семито-хамитских, или же такая форма «была изобретена» еще в эпоху нижнего палеолита и «дожила» до нашего времени в уральских, алтайских и некоторых индоевропейских языках, о последних В. М. Иллич-Свитыч почему-то не сообщает. Стоит сказать еще об одной форме, которая подобна и в кушитских языках и в языке хауса: ‘*хватать, ловить*’ — *kata*. Такая же форма и в языке суахили *katata* — ‘*ловить, хватать*’. Чтобы не спорить о том, из какого языка в какой перешли все эти формы, мы предлагаем считать их древнейшими африканскими словами. Они «имели продолжение» и в Евразии — см. в ОСНЯ №157 *kati* — ‘*хватать, сжимать*’ [5].

Рассмотрим еще один пример: слово ‘*рыба*’. Ностратическая праформа для этого слова дается в [5]: И-Св. № 155 **kal*/. Причем такая форма существует в семито-хамитских (С-Х),

уральских (Ур) и алтайских (Алт.) языках. Надо отметить, что наибольшее количество языков, где эта форма существует, это С-Х языки (исходная С-Х форма — *kl). Причем из семитских языков такая форма существует только в южно-арабских языках, шахри и мехри. В остальных языках, эта форма существует в восточно-кушитских и в чадских языках. В других языках, не ностратических, такая же форма существует, например, в бирманском языке. Но тут эта форма (в форме хол- как в тунгусо-маньчжурских языках — холл — ‘рыба’), по нашему мнению, входит в состав названий некоторых пород рыб: *схолеман* — ‘лосось’, *схолмоунга* — ‘кета’. Эта же форма существует и в енисейских языках: *kol* — ‘вид рыбы’, *kolgit* — ‘язь’, *hola* — ‘стерлядь’. В картвельских (Карт) языках эта форма входит в название ‘*форели*’ — *kal-taxi*. Причем вторая часть слова — это общее название ‘рыбы’ в персидском языке.

Неправильно было бы думать, что уральцы или алтайцы могли каким-то образом позаимствовать свою основную лексику у семито-хамитов. Нет, на самом деле все было намного сложнее (а может быть и проще).

Мы хотим привести цитату из книги Джона Десмонда Кларка «Доисторическая Африка» (М., 1977, с. 96) [1]: *«Одной из наиболее разительных особенностей материальной культуры среднего плейстоцена является всеобщее «единообразие», которое наблюдается в каменных орудиях. Всеобъемлющее сходство между коллекциями предметов материальной культуры ашеля и развитого олдувая, вне зависимости от их местоположения, позволяет сделать вывод о едином образе жизни. Характерные особенности и различная распространенность отдельных типов орудий, как мы уже убедились, вполне очевидны. Однако здесь нигде не существует той основной региональной специализации, которая характерна для орудий верхнего плейстоцена. Рубила из Европы, Южной Африки и с Индостанского полуострова являются, по существу, однотипными орудиями, и это также относится к крупному и мелкому инвентарю. Вместе с тем отмеченное единообразие каменных орудий дает возможность предположить, что, хотя период обучения, необходимый для приобретения опыта в их изготовлении, очевидно, затянулся, некоторые из нужных для этого навыков были получены путем наблюдения, эксперимента и подражания, а не путем непосредственного обучения. В то же время степень «стандартизации», например рубил и кливеров, говорит, по меньшей мере, в пользу ограниченного обучения и, таким образом, возможно, в пользу каких-то рудиментарных форм речи».*

Ясно, что эта важная для нас цитата требует комментариев. Автор предполагает наличие какой-то простейшей речи у всех тех, кто изготовлял стандартные каменные орудия на обширнейшей территории, включая Индостанский полуостров и Европу. А если это было в действительности так, то можно предположить, что у всех тех, кто вышел из Африки, была одинаковая лексика (по аналогии с Дж. Д. Кларком, можно назвать её «единообразной»). И еще: Д. Кларк говорит о единообразии изделий из камня и в Европе эпохи среднего плейстоцена. Т. е. архантроп, который вышел из Африки, очутился в Европе, достаточно давно. Это наводит на мысль о возможном выходе архантропа из Африки в Европу через Гибралтар. Возможно, такой путь древнейших европейцев позволит объяснить сходство ранней лексики в очень разных языках Евразии: китайском и баскском, о чем будет сказано ниже. Возможно, предки басков очутились в Европе, переправившись из Африки через Гибралтар. Поэтому их язык, возможно, ближе всего к тому языку, который можно назвать «единообразным». Кроме того, среди рассматриваемой ниже лексики мы заметили несколько английских (германских) слов. Это явление тоже можно было бы объяснить древнейшим заселением Европы носителями «единообразного языка», которые двигались через Гибралтар и достигли Западной Европы.

Таким образом, мы считаем, что базисная лексика ностратических языков, вероятнее всего, была «изобретена» в Африке. И, поскольку эта лексика, как об этом сказано выше, была одинаковой для всех племен архантропов, которые остались в Африке, и для тех, которые вышли за ее пределы, то стоило бы искать такую лексику в самых разных языках, и в сино-кавказских и других. Сохранением этой лексики вплоть до времени заселения Индостана, можно объяснить её существование в сино-кавказских языках. Разумеется, в меньшей, чем в ностратических языках, степени.

Ниже будут приведены найденные нами примеры того, что мы называем древнейшей лексикой. В 80-м выпуске журнала «Мова та Історія» мы опубликовали первые, 11 примеров форм древнейших, по нашему мнению, слов: ‘огонь’, ‘собака’, ‘шерсть, волос’, ‘рог’, ‘лист’, ‘рыба’ (это слово мы уже рассмотрели выше), ‘гусь’, ‘ребенок’, ‘ты’, ‘имя’, ‘гнездо’ [6]. В настоящей статье мы повторяем этот список и дополняем его глаголами. (Среди них есть глагол «жевать», который мы не приводим. Его рассматривают С. А. Старостин и С. А. Бурлак в [7]. Мы даем лексику подобных форм, которая существует в современных языках. Мы не можем говорить о том, что проверили хотя бы часть существующих в настоящее время языков. Проверена лексика только нескольких десятков языков. Но, по нашему мнению, нам повезло, потому что проверялись те языки, которые сохранили древнейшую лексику).

Метод определения праформы лексики родственных языков, основанный на поиске архаичной формы данного слова, который называется методом реконструкции, строго говоря, подразумевает «участие» в поисках реконструированной праформы, лексики всех языков данной языковой группы (или языковой семьи). Однако охват всех языков, даже одной языковой семьи, это сложное дело. Даже при наличии современных компьютеров. (Например, в индоевропейской языковой семье — наиболее изученной семье, согласно [7], более 150 языков). Поэтому очень часто исследователи представляют в своих трудах как будто бы праформу, реконструируя формы всего 3–5-ти, от силы 7-ми современных языков.

Также следует сказать и о том, что метод языковой реконструкции некоторые «ученые»-лингвисты (и среди них немало академиков) просто не принимают. Причина этого ясна — они просто не разбираются в этой дисциплине — компаративистике. Однако необходимо сказать тут об одном интересном явлении, которое было замечено нами в работе [8].

При реконструкции северокавказской культурной лексики, результаты которой опубликованы в [9], автор, С. А. Старостин, разумеется, не привлекал картвельские формы. Однако полученные им формы удивительным образом похожи на формы картвельской лексики того же значения, что и реконструированная северокавказская. Например, реконструируя лакское слово *xuri*, даргинское *urxur*, чамалинское *raxir* — ‘недоуздок’, арчинское *duxur*, табасаранское *furun*, рутульское *rixna*, чеченское и ингушское слово *urX* — ‘вожжи’, автор получил северокавказскую праформу *ixwira* — ‘узdechka’, которое, очевидно, ближе к картвельской форме *ayviri* — ‘узdechka’, чем собственно нахско-дагестанские формы. По нашему мнению, этот пример демонстрирует достоверность реконструкции (если не говорить о заимствованиях в данном, конкретном случае). Мы считаем, что метод лингвистической (языковой) реконструкции, по-видимому, может «помочь» лингвистике стать точной наукой, поскольку язык человека — это продукт умственной деятельности, а мышление осуществляется по законам математической логики).

В нижеприведенном нами списке приняты следующие обозначения: СТ — сино-тибетские, ДК — древнекитайские, Т — тибетские, ПСТ — прасинотибетские и АН — австронезийские формы взяты из работы [10]. Кит. — это современная китайская лексика из словарей [11, 12]. Ен. — енисейские праформы взяты из книги [13]. Bask. — баскская лексика взята из словаря [14]. Alt. — алтайские формы мы взяли из книги С. А. Старостина [15]. Остальные формы взяты из Словаря ОСНЯ, В. М. Иллича-Свитыча [5] и других источников. Мы пользовались также словарями русско-хауса, русско-амхарским, русско-суахили и др. словарями африканских и неафриканских языков.

– «Огонь». Алтайские праформы получил С. А. Старостин в работе [15]. (Далее формы из этого словаря алтайских этимологий будут обозначаться так: Ст. и номер формы). Ст.23 **p’orV* ‘огонь’, ‘нылать’. Такая форма для слова ‘огонь’ есть и в И-Е языках, но не во всех: нем. *Fauer*, англ. *fire*, тох. А *por*, тох. В *puwar*, греч. *πυρ*. Мы пока не нашли подобной формы в сино-тибетских языках. Однако думаем, что в древности в каких-то восточноазиатских языках существовало слово с основой *bor*, *bur*, которое обозначало табуированное название божества ‘солнца’. Такая форма названия божества солнца позже в самых разных языках стало основой названия жарких, обжигающих, горячих, красных, желтых и круглых предметов. Примеры приводим из кавказских языков: в нахских языках ‘мяч’ *буьрка*, при-

мерно такая же форма *бурко* для слов ‘жара, пекло’. Примерно одинаковы в грузинском и нахских языках слова для обозначения пекарни: *purne* и *пурни*. Причем, по-видимому, эти слова не связаны с грузинским названием ‘хлеба’ — *p’uri*, а связаны с ‘огнем’, ‘жаром’ в печи, где выпекается хлеб. По-грузински ‘мяч’ — *burti*. Возможно, баскское слово, означающее ‘жар’, ‘жару’, ‘горячий’ — *bero*, тоже следует привлечь сюда. Такая же форма для ‘огня’ в некоторых языках американских индейцев. В работе [16] автор считает, что И-Е форма для слов ‘жар, горячий уголь’ заимствована из празападно-кавказской (ПЗК) праформы: **perere* — ‘жар, горячий уголь’.

- «Собака». Форма латинского слова ‘собака’ — *canis* имеет сходство с китайским *quan* — ‘собака’. Ностратическую (Nostr.) праформу дает В. М. Иллич-Свитыч (И-Св.) в своем Словаре [5], № 238 **K’ujnA* — ‘волк’, ‘собака’. Она получена реконструкцией сем.-хам. формы *k(j)n/k(j)l*, *k(w)l* — ‘собака, волк’; и.-е. *kuon/kun* ‘собака’ и уральской (ур.) *kuina* ‘волк’. В картвельских (Карт.) языках есть слово *dzukna* — ‘сука’, где первая часть слова — основа слова ‘грудь’, а вторая часть — эта та форма, которую мы рассматриваем. У И-Св. алтайской (алт.) праформы нет. Она получена в [15]: Ст. № 548 **kanV* — ‘собака’. Похожая форма есть в тохарских языках: *kuion* [7]. В индоевропейских языках это слово имеет другие формы: *dog, sag, pes, kuse*.

В карт. языках существует другая форма для этого слова: *ciba* — ‘молодая собака’. Такая же форма существует в сино-кавказских языках: в аваро-андийских *ciba* — ‘сука’ и енисейских *cip* — ‘собака’. Ю. Л. Мосенкис считает, что английскую форму слова ‘собака’ можно сопоставить с баскской *thakur* — ‘собака’ и мегрельской (картвельской) *джоуор* — ‘собака’ формами.

- «Шерсть». СТ **p(eo)l*: ДК **ph(eo)j* ‘тонкая шерсть’, Т *bal* ‘шерсть’, канаури *pul* ‘волосы’, миджу *bul* ‘шерсть, перья’, АН *bulu* ‘волос’ [10], (*eo*) означает нейтральный звук, который обычно записывается перевернутой буквой *e*. В Словаре И-Св. такой формы нет. Но, по-видимому, следует рассмотреть карт. слово *bumbuli* ‘пух’ (тут мы имеем часто наблюдаемую в картвельских языках редупликацию). В карт. есть и другое слово *balani* — ‘волосы на теле человека’. В восточнокавказских (ВК), даргинском и лакском языках, *pala* — ‘шерсть, волос’. В баскском *bilo* — ‘шерсть животных’, а *piel* — ‘шкура’. Надо вспомнить итальянские языки: в лат. *pellis* — ‘шкура, мех’. Анг. и нем. формы: англ. *wool* — ‘шерсть’, *pelt* — ‘шкура, кожа’; нем. *Fell* — ‘шерсть, шкура’. Не мешало бы сказать о том, что в итальянском языке тоже есть такие же формы: *pele*, *pelame* — ‘шерсть’, *pelle* — ‘шкура’, *pele* — ‘волос’. Поэтому нельзя считать, как часто это бывает, что все европейские формы произошли из латыни (и греческого). Такие утверждения, по-видимому, просто неграмотны. Если считать, что латынь была источником всех этих форм европейских языков, то тогда, надо думать, что до прихода латинян в Рим, и немцы, и остальные итальянцы не имели такого слова в своем словаре или же были просто немymi.

Таким образом, эта форма для слов ‘шерсть’, ‘шкура’ и т. д. существует в языках, носители которых в настоящее время обитают на противоположных концах евроазиатского континента. И, несмотря на то, что такую форму мы пока не нашли в других языках Евразии и Африки, этот факт может говорить только об одном: это слово имеет моногенетическое происхождение (в чадском языке хауса есть слово *wulan*, означающее ‘шерсть (материал)’). Однако мы еще не проверили, возможно, оно заимствовано позднее из европейских форм типа *wool*).

- «Рыба». Это слово уже разбиралось нами выше. В Словаре И-Св. №155 *kal* — ‘рыба’. В с.-х.: *kl-*, ур. *kala* и в алт. [*kali-ma* — ‘кум’] языках. Кроме того это слово существует и в карт. языках: в слове *kalmaxi*. У Ст. № 362 **kolV* — ‘рыба’, которая встречается только в тунг.-манчж. языках: *xol-sa*. Мы уже говорили выше, что точно такая же основа существует в енис. языках: *xol* — ‘вид рыбы’, *kolgit* — ‘язь’, *hola* — ‘стерлядь’. Удивительно, что в бирманском, форма (*c*)*xol-*, входит как префикс в слова, обозначающие разные виды рыб: *схолмоунга* — ‘кета’, *схолеман* — ‘лосось’. Семито-хамитские формы интересны тем, что

существуют в языках, носители которых живут в центре Северной Африки, на краю Сахары. Речь идет о чадских языках. Например, это слово в яз. мусугеу *klif*, гидер *kilfi* и в др. (см. Словарь И-Св. [5]). Эта форма существует и в других с.-х. языках, например, в восточно-кушитских **klt* — ‘рыба’.

Возможно, знатоки уральских языков не сомневаются в том, что эта форма слова ‘рыба’ попала в другие языки из уральских (в саамском языке это *kul'l*), носители которых жили и живут по берегам рек, где водятся в наше время эти породы рыб. Однако бирманская, чадские или кушитские формы дают повод для размышлений о первоначальном пути движения этого слова по Евразии.

В славянских языках есть несколько слов, которые связаны с рассматриваемой формой слова ‘рыба’. Например, украинские слова: *каламага* — ‘рыбацкая сетка’, *кальма* — ‘ёри»; русское слово *каламажка* — ‘дощатый кузов для перевозки свежей рыбы’. Аналогичное слово есть в польском и белорусском языках и считается уменьшительной формой слова *колымага* — ‘воз для перевозки грузов’. При объяснении последнего слова в [17], привлекаются тюркские языки и украинское слово *коло* — ‘круг’, что совершенно не связано со словом ‘рыба’.

- «Волос». В СТ языках есть форма для слова ‘волос’: СТ **phot*: ДК **pat* ‘волос’, Т *phud* ‘узел волос’, Бирм. *phwat-mrih* ‘коса из волос’. Удивительно то, что подобная форма существует и в украинском: *патлы* — ‘перепутанные и сбитые волосы человека в виде жгутов’. В русском языке это слово тоже существует в виде *падлы*. В белорусском — *патлы*, в польском — *patlaty* ‘патлатый’, т. е. *волосатый*. Авторы [17] не знают происхождения этого слова и считают, что оно произошло от слова ‘накля’. Это явление подобия славянской формы сино-тибетской мы не можем объяснить случайностью. Объясняем его тем, что оно принадлежало ностратическо-синокавказскому праязыку или его предку (наверное, такой существовал). Со временем, при дивергенции языков, это слово исчезло из всех языков, кроме сино-тибетских, а из индоевропейских осталось только в славянских. Нам будут возражать: мол, тогда славянских не было и в помине. Однако почему другое славянское слово *око* — ‘глаз’, существовавшее в ностратическую эпоху, дожило до нашего времени, но не во всех индоевропейских и алтайских языках.
 - «Рог». СТ *q(w)raŋ* — ‘рог’: ДК **k(w)raŋ* ‘рог для питья’, АН **(q)uReŋ* ‘рог’, бирм. *khrew* ‘тоже’. В ностр. языках это И-Св. № 227 *K'Er/* — ‘рог’. Эта форма встречается в сем.-хам. *qr* — ‘рог’, карт. *kr-/rk* — ‘рог’ и и.-е. *ker* — ‘рог, голова’ языках. По нашему мнению, необходимо учесть и урал. формы. В Енис. языках *χo?* — ‘рог’. В славянских языках сохранились формы, близкие к картвельским — *rg*.
 - «Лист». ПСТ **lep/*ler* ‘лист’, ДК *lap*, Т *ldep*, Бирм. *ahlap*, Енис. *jere* — ‘лист’. В синокавк. (аваро-анд.) *lapa*. алт. Ст. № 180 *liap'V* — ‘лист’. В европ. языках: нем. *Laub*, англ. *leaf* и др. И-Св. в ОСНЯ получил форму № 16 *bol?i* с несколько иным значением — ‘расти (о растениях)’, которая получена из форм с.-х. языков: *bl* — ‘лист, растущее растение’, и.-е. языков: *bhelh-* / *bhleh-* — ‘растение, лист, цветок’ и драв. языков: *poli* — ‘расти, цветсти’. По нашему мнению, ближе всего к праформе лат. форма *folium* (и итал. форма *foglia*). К этой форме, по-видимому, близка и грузинская форма *potoli*. Возможно, эти формы являются метатезами предыдущих форм.
- Наверное, стоит рассмотреть праформу И.-Св. № 256 *lapa* ‘плоский’, которая встречается в алт. **lap/* ‘плоский, лист’, в с.-х. **lP* ‘плоский, ладнь’, в и.-е. **ler* ‘ладонь, лапа’ и в урал. **lappa/lapa* ‘плоский, лапа, лопатка’, языках. Очевидно, первоначальная форма *lp/lf* означала ‘что-то плоское, лист, лапу’.
- «Имя». Это слово в самых разных языках имеет примерно одинаковую форму. У И-Св. № 317 **nimi*: урал. *nime*, и.-е. *nom*. (Алт. формы у И-Св. нет). Она есть у Ст. № 48 **niumV* — ‘имя, заклинание, гадание’ (значение слова ‘имя’, имело с самого начала сакральный смысл). Можно было бы говорить о том, что такая форма существует только в ностратиче-

ских языках. Однако она существует и в бирманском языке — *наме, еми* (в бирм. словаре используется русская транскрипция). Возможно, в китайском языке форма этого слова — *ting* представляет собой метатезу ностратической формы. В тохарских языках А *пот*, В *пет*.

- «Ты». Это слово имеет похожие формы в ностратических языках. Его почему-то нет у И-Св. Оно есть в бирм. языке — *т'ин*. У Ст. № 521 **t'i*. Интересно, что такая же форма есть в бакском языке — *те*. Другая форма этого слова: кит. *ni*, тамильск. *ни*.
- «Ребенок». И-Св. № 32 **b/r/ʌ* — ‘ребенок’: и.-е. *bher* — ‘ребенок’, с.-х. *bir* — ‘сын’, карт. *bere* — ‘ребенок’. Алт. формы у И.-Св. нет. У Ст. № 314 *baldV* — ‘рождать(ся), ребенок’. В Енис. языках **pVI* — ‘ребенок’ (на одном из Енис. языков, пумпокольском, *fala* — ‘сын’, *falla* — ‘мальчик’. Нельзя не заметить (фантастическую, которая может оказаться вовсе не фантастической) французскую параллель: *filis* — ‘сын’ и *fille* — ‘дочь, девочка’. Интересно также англ. (шотл.) *bairn* — ‘ребенок’. Кроме того в карт. языках ‘птенчик’ — *bart'qi*, ‘медвежонок’ — *beli*, ‘ребенок’ (диал.) — *balyi*. В Бирм. языке форма этого слова *келе, геле* имеет сходство с дагестанскими формами: *q'Vle* [18]. Нахская форма этого слова *ber* имеет сходство с непризнанной пока этрусской интерпретированной нами формой [19], в словах: *peras*, которое мы переводим как ‘дету’, и *perpri* — ‘роженница’. Удивительно то, что рассматриваемая форма *bar/ ball/ ber/ bel* и т. д. встречается и в ностратических и в синокавказских языках. А если к сказанному добавить замеченную нами связь восточнокавказской (ВК) и алт. лексики [3], то, по-видимому, можно говорить об общей базисной лексике языков этих двух макросемей. Возможно, все это как-то прояснит ситуацию с европеоидами, которые когда-то жили на Алтае, а позднее создали там Афанасьевскую археологическую культуру.
- «Гнездо». Это слово во многих языках Евразии имеет одинаковую форму основы — *bi, bud* и т. д. Эта основа означает ‘жилище’, ‘гнездо’. Эта основа есть в СТ *buk* ‘жилище’, в Т *abogs* ‘строить жилище’, в языке цзинпо *bi* ‘жилище, убежище’. В европ. языках: средн.-верх.-нем. *biode* ‘дом’, англ. *booth* ‘шалаш, будка, балаган’, рус. *будка*, укр. *буда* ‘шалаш, будка’, чешск. *bouda* и т. д. К сожалению, как часто это бывает у тех, кто ограничивается только одними (но «главными») языками, большинство в один голос утверждает, что это слово заимствовано во все европейские и не европейские языки только из средне-верхне-немецкого языка [17, 19]. (Если принимать модель специалистов «главных» языков, то придется представить себе, что носители, например, сино-тибетских языков ездили в Германию усваивать это слово). Рассматриваемое слово, по-видимому, имеет древнейшее происхождение (правда, эта форма сохранилась не во всех языках): в языке сомали ‘гнездо’ *buul*. Оно есть и в Алт. Ст. № 250 *p'uwV* ‘гнездо’. В Карт. *bude* ‘гнездо’, *biyagi* ‘конура’. Возможно, и кит. форму *wo* ‘гнездо’, можно привлечь сюда.

Поиски сходных по форме глаголов разных языков дали следующие результаты. В общей сложности мы рассмотрели базисную лексику 32 языков разных языковых семей и макросемей. Мы не приводим все результаты, а только, по нашему мнению, наиболее интересные. Мы выбирали языки, носители которых в настоящее время живут на разных континентах, а их языки относятся к разным языковым макросемьям. В основном это языки хауса, сомали, суахили из африканских, тамильский и урду из языков Индостана, китайский и бирманский, картвельские и нахские из кавказских. Разумеется, мы пользовались ностратическим словарем В. М. Иллича-Свитыча [5].

- «Смотреть, видеть». Эти два глагола в некоторых языках не различаются. В ОСНЯ [5] эти глаголы имеют такие праформы: № 3 *baK'a* и № 43 *c'uHʌ* ‘смотреть’. Однако существует другая форма этих слов, основа которых *gan/kan* в языках хауса *gani, hanga* — ‘смотреть, видеть, зрение’, тамильском *кан* — ‘смотреть, видеть, глаз’, китайском *кань (kan)* — ‘смотреть, видеть’, нахских ган — ‘видеть’. В других ностратических языках, кроме приведенных, такая форма не найдена.

- «Глотать». У И.-Св. № 91 *gur*/Λ — ‘глотать’. Такая форма существует в четырех ностратических языковых семьях. И в этом нет ничего удивительного. Но мы хотим сказать о том, что упущено в ностратическом словаре: карт. форма *q'lip'i* ‘глоток’, *q'lap'va* ‘глотать’, хауса *kurba* ‘глотать’ (почему-то этой формы нет в словаре) и английской формы *gulp down* ‘глотать’. Все другие И-Е формы намного «дальше» от праформы (и по значению), чем англ. форма этого глагола.
- «Есть, кушать». В языках Евразии существуют две формы для этого глагола. Обе представлены в [5]: № 57 *ʃaʃm*/Λ — есть и №136 *?ita* — есть. Вторая праформа получена в результате реконструкции форм и-е и алт. языков. Здесь нас больше интересует первая праформа, которая есть результат реконструкции языковых форм с-х. и карт. языковых семей. Среди с-х. форм есть интересные для нас формы, опять таки, зап.-чадских языков: хауса *si*, монгол *s'ê*, бура, макари *sim-*, гамергу *za* и т.д., которые, по нашему мнению, подобны китайским *chi*, *shi* ‘есть’ и бирманской *сади* (русск. транскр.) ‘есть’. Енис. *sig* ‘есть’.
- «Кусать». Ностратическую праформу этого слова, по нашему мнению, можно считать № 180 *k*/m/Λ ‘кусающее насекомое’. Эта праформа получена из форм с-х. и алт. языков. С. А. Старостин дает несколько другое значение этой праформе: Ст. № 6 *kamV* ‘грызть, кусать’. Возможно, эта форма имеет что-то общее с карт. словом ‘зуб’ *kbili*, или ‘кусание’ *kbena*. Мы считаем другой формой этого слова хауса *gatsa* ‘кусать’, тамильск. *кади* ‘кусать’, бирм. *кайти* ‘кусать’.

И последняя форма, которую мы здесь рассмотрим [5]. Это И-С № 196 *k'asa* ‘резать’. Такая форма существует в большинстве языков всех шести языковых семей ностратической макросемьи с-х *qs* — ‘резать, бить, ломать’; карт. *кас* — ‘резать, рубить’; и-е *kes* — ‘резать’; урал. *кас* /Λ / *кес* ‘а ‘нож, остриё’; драв. *касс* — ‘кусать, жалить’. В словаре не приводятся формы языка хауса *kashe*, *kas* — ‘убивать’. В то же время среди и-е языков не упоминается персидская форма *kos-tan* ‘убивать’. Интересно то, что урал. форма, наиболее близкая к праформе, но имеющая значение ‘нож’, например, марийское *k(oe)za* или *kuzo* — ‘нож’, по нашему мнению, достаточно схожи со словом ‘нож’ в языке суахили *kisu* и в языке луганда *ekiso*. Надо вспомнить и славянское слово ‘коса’ и слово тохарского В *kas* — ‘резать’.

Следует упомянуть еще об одном явлении, которое, по крайней мере, как нам представляется, не было до сих пор предметом внимания квалифицированных лингвистов: окончания глаголов во многих языках имеют форму *-dl/-du/-di/-tu/-til/-dan/-tan* и т. п. Например, в языке сомали окончание глаголов *-id*: ‘бегать’ — *ordid*, ‘бить’ — *dilid*, ‘видеть’ — *arkid*. Из хуррито-урартских языков, в основном, в урартском: ‘давать’ *ar-du*, ‘возвратить, вернуть’ *bi-du*, ‘повредить’ *laku-du*, ‘притеснять, угнетать’ *ziel-du* и др. Причем, по-хурритски *du* — ‘делать’. И в обоих, хурритском и урартском, языках ‘создавать, делать’ будет *tan*. Эта форма совпадает с нахской формой глагола ‘делать, сделать, создать’ *dan*. В персидском языке форма окончания глагола *dan/tan*: *di-dan* ‘видеть’, *ista-dan* ‘стоять’, *bori-dan* ‘резать’, *gazi-tan* ‘кусать’. Баскские глаголы ‘кусать’ *zizta-tu*, ‘слушать’ *adi-tu*, ‘знать’ *ezagu-tu*, ‘погибать’ *gal-du* и др. Бирманские: ‘кусать’ *каи*’-ти, ‘умирать’ *те*-ди, ‘приходить’ *ла*-ди. Последняя форма имеет параллели в китайском языке: ‘приходить’ *laidao*, что наводит на мысль о том, что окончание китайского глагола *-dao* также надо рассматривать с этой точки зрения: ‘знать’ — *zhidao* (хотя в китайском языке такое окончание встречается редко). Весьма правдоподобно, что окончания славянских глаголов *-ти*, *-ты* (последнее — в укр. языке) также «из той же оперы». Такие же окончания есть и в дравидских языках, в частности, в тамильском ‘есть’ *саппиди*, ‘резать’ *ветты*, ‘хватать’ *пиди*, ‘рыть’ *тонды*. Не следует забывать также, что по-английски ‘делать’ будет *do*.

Предложенный нами метод поиска одинаковой по форме лексики в самых различных языках, возможно, не самый лучший и корректный. Очевидно, он подразумевает поиск в большинстве современных и исчезнувших языков.

Традиционно применяемый метод реконструкции, очевидно, имеет несомненные преимущества. Между тем и этот метод тоже имеет свои недостатки. Приведем пример: древнекитайская праформа для слова 'рог' дается в [10]: *k(w)raŋ*. А в русско-китайском словаре [11] 'рог' имеет форму цзяо. Как объяснить такое расхождение? По-видимому, надо думать, что в древности китайцы употребляли не те слова, которые употребляют в наше время. Тогда откуда появились эти новые формы и когда? Может быть, из других языков? А может быть, речь идет о разных диалектах китайского языка? И какой диалект китайского языка надо привлечь для этих исследований?)

Представленные нами факты требуют дальнейшего тщательного изучения и аргументированной исторической интерпретации.

Л и т е р а т у р а :

1. *Кларк Дж. Д.* Доисторическая Африка. — М., 1977.
2. *Маловичко А. В.* Этрасская проблема в евроазиатском контексте (лингвистическое эссе) // Схід і Захід у мовно-культурних зв'язках. Сборник. — К., 2001. — С. 29–33.
3. *Маловичко О.* Взаємодія східнокавказьких і алтайських мов // Мова та Історія. Вип. 60. — К., 2002.
4. *Алексеев В. П.* Географические очаги формирования человеческого рас. — М., 1985.
5. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. (ОСНЯ). Т. 1. — М., 1971.
6. *Маловичко О. В., Козырський В. Г.* Чи існувала колись у Євразії єдина мова // Мова та Історія. Вип. 80. — К., 2005.
7. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Введение в лингвистическую компаративистику. — М., 2001.
8. *Маловичко О. В.* Хурритська чи східнокавказька? // Мовознавство. — 1993. — № 3. — С. 58–60.
9. *Старостин С. А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Сб. Древняя Анатолия. — М., 1985.
10. *Пейрос И. И.* Австро-Тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками // Сб. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
11. Русско-китайский словарь. — М., 1953. (С русской транскрипцией).
12. Русско-китайский словарь. — М., 1990. (С латинской транскрипцией).
13. Кетский сборник: Лингвистика. — М., 1995.
14. *Xabier Gereño.* Hiztegia / Diccionario Castellano-Euskara. — Bilbo. 1990.
15. *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. — М., 1991.
16. *Старостин С. А.* Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Сб. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
17. Етимологічний словник української мови. Т. 2. — К., 1985; Т. 4. — К., 2003.
18. *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian Etimological Dictionary (NCTD). — Moscow, 1994.
19. *Джяукян Г. Б.* Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. — Ереван, 1967.

Об авторах:

МАЛОВИЧКО Александр Викторович — кандидат физико-математических наук, академик УАННП, зав. лабораторией технического лицея при КПИ, председатель семинара «Язык и история».

КОЗЫРСКИЙ В. Г. — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИТФ НАН Украины.